

Персоналия

УДК 06.091.5:34

DOI: 10.61205/jzsp.2023.060

Homo iudicialis: краткая история завтрашнего правосудия. К юбилею А. И. Ковлера

Михаил Львович Гальперин^{1, 2}

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

²Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Для цитирования. Гальперин М. Л. Homo iudicialis: краткая история завтрашнего правосудия. К юбилею А. И. Ковлера // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 149—154. DOI: 10.61205/jzsp.2023.060

Personalia

Homo Iudicialis: A Brief History of Future Justice. To the Anniversary of A. I. Kovler

Mikhail L. Galperin^{1, 2}

¹National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

²Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S. S. Alexeev, Moscow, Russia

For citation. Galperin M. L. Homo Iudicialis: A Brief History of Future Justice. To the Anniversary of A. I. Kovler. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 149—154. (In Russ.) DOI: 10.61205/jzsp.2023.060

Как читатель догадался из названия, настоящий очерк, посвященный 75-летию Анатолия Ивановича Ковлера, написан в жанре подражания популярным в последние годы книгам Юваля Харари, который в провокационной манере памфлета (где трудно понять, серьезен автор или смеется) пытается через оригинальные интерпретации настоящего и прошлого расширить представления читателя о будущем¹. А. И. Ковлер, обладая, с одной стороны, глубочайшими познаниями, интеллектуальным подходом к глобальным юридическим проблемам, безграничным гуманизмом, мудростью, основательностью и смелостью в продвижении новых подходов к праву, центральным из которых является антропологический, а с другой — непревзойденным талантом ироничной, образной и доступной подачи студентам, коллегам и власть предержащим юридического материала, вдохновил нас на такой свободный формат посвящения. По примеру Харари, будем при этом защищаться профессорской должностью и докторской степенью от критики стиля изложения, который The Guardian назвала чрезвычайно увлекательным, но тяготеющим к подгонке фактов, преувеличениям и сенсационности².

¹ См.: Харари Ю. Sapiens. Краткая история человечества. Пер. с англ. М., 2017; Харари Ю. Homo Deus. Краткая история будущего (Homo Deus. A Brief History of Tomorrow). Пер. с англ. М., 2018.

² «Much of Sapiens is extremely interesting, and it is often well expressed. As one reads on, however, the attractive features of the book are overwhelmed by carelessness, exaggeration and sensationalism» (Sapiens: A Brief History of Humankind by Yuval Noah Harari — review. URL: <https://www.theguardian.com/books/2014/sep/11/sapiens-brief-history-humankind-yuval-noah-harari-review>).

Как 75-летие Всеобщей декларации прав человека побудило именинника провести инвентаризацию содержания основных свобод в современную эпоху «пришествия “человека цифрового” (homo numericus) на смену “человеку индустриальному”»,³ так и его юбилей вдохновил нас взглянуть на то, каким будет правосудие будущего (прежде всего, по гражданским делам) с точки зрения человека⁴; какими через 10—20 лет будут реальные принципы судопроизводства не на страницах учебников и кодексов, а в головах людей: ученых, адвокатов, истцов, ответчиков и, конечно, самих судей — всех, кого можно считать «человеком судебным» (homo iudicialis), к кому наверняка относит себя и юбиляр, вклад которого в осмысление миссии международного и национального судопроизводства невозможно переоценить.

Тысячу раз прав А. И. Ковлер, утверждая, что «жизнь человека как существа социального претерпела радикальные изменения. “Человек юридический”, еще несколько десятилетий назад представлявшийся как законопослушный гражданин, следующий предписаниям позитивного права — права

³ Ковлер А. И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 12. С. 6.

⁴ Нельзя не согласиться с А. И. Ковлером в том, что действие права никогда не соответствовало умозрительным схемам, какими бы совершенными они ни были, а подчиняется социолого-антропологической парадигме действий конкретного человека и человеческих общностей. Наступление «цифровой эпохи» не способно это изменить (Там же. С. 22).

государства, — дезориентирован. Казалось, “огосударственное” правовое бытие человека достигло своей завершенности... В реальности все оказалось сложнее»⁵. Эта нарастающая дезориентация в правовом пространстве тем мучительнее, чем больше она касается судебной власти, т. е. той части государственного механизма, незыблемость и стабильность которой заставляет людей надеяться на справедливость и верить в право, несмотря на изменчивость законов и суровую реальность их применения. Тяжело спорить с тем, что сами по себе современные технологии, алгоритмы искусственного интеллекта не способны пока помочь юристу вернуться в поле спокойствия и стабильности. Напротив, цифровое развитие обостряет проблему отчуждения личности, ее замыкания в виртуальном мире, несмотря на появление различных видов «мнимой коллективности» (группы в социальных сетях и telegram-каналы, узкие сообщества «по интересам»)»⁶.

Именно поэтому внешний технологический облик будущего правосудия (которому и посвящено подавляющее большинство популярных прогнозов и предсказаний), не скроем, любопытен, но не так значим, как его *человеческое измерение*. Цифровая форма правосудия — не самоцель, намного важнее содержание, причем не такое, какое нам хотелось бы видеть, а такое, каким оно скорее всего будет, исходя из того, что происходит уже сейчас.

Итак, пять предсказаний о правосудии будущего.

1. Распроцедурирование. Реальность такова, что чрезвычайные обстоятельства не позволяют законодателю при формулировании норм материального права (как частного, так и публичного) достаточно обстоятельно описать процессы их применения, регламенты действия частных лиц и публичных органов как при выдаче каких-либо разрешений, так и при ограничении прав. Часто при принятии нормативного правила просто невозможно спрогнозировать, как оно будет применяться. Так, за последний год мы стали свидетелями появления целой системы известных указов в экономической сфере, в которых алгоритм принятия юридически значимых актов описан общим образом, а у правоприменителя появилась ранее немыслимая дискреция в определении не только порядка принятия решения, но и его условий, а также возможность ситуативного внесудебного толкования норм, устанавливающих его собственную компетенцию⁷.

⁵ Ковлер А. И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа). С. 7.

⁶ Там же.

⁷ См., например, указы Президента РФ от 25 апреля 2023 г. № 302 «О временном управлении некоторым имуществом», от 30 июня 2022 г. № 416 «О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций», от 5 августа 2022 г.

Со студенческой скамьи мы помним напутствие фон Иеринга: «Форма — это заклятый враг любого произвола и сестра-близнец свободы»⁸. Как следствие, процессуальная форма принятия решений органами власти (прежде всего судом) предполагалась нормативной, обязательной, системной, универсальной⁹. Именно это заставляло нас терпеть формализм, рассчитывая, что он же есть и наша гарантия от произвола. Но теперь наоборот: свобода и безопасность видятся в гибкости и избирательности правоприменения.

Как на эти тенденции может ответить правосудие, у которого материальное право выбивает почву из-под ног, лишая четких и формальных стандартов правовой оценки поведения субъектов? Ответом судей будет их более свободное отношение и к собственным правилам процедуры, даже в обращении с процессуальными сроками. Например, в одном из недавних определений Верховного Суда РФ заместитель его председателя, несколько раз процитировав соответствующую норму АПК РФ, которая ни в буквальном, ни в каком другом толковании не позволяла восстановить срок на обжалование в кассационном порядке судебного постановления, и не приведя ни одного обстоятельства, свидетельствующего об уважительности его пропуска, все равно удовлетворила ходатайство о восстановлении срока «с целью предоставления гарантий реализации гражданами права на судебную защиту и правовой определенности»¹⁰.

2. Процессуальная справедливость. С точки зрения классического понимания судопроизводства как установленной законом четкой последовательности действий, ни для суда, ни для другого участника процесса справедливость не может выступать в качестве критерия выбора того или иного варианта поведения. Принцип справедливости в государстве, чья правовая система основана на статутном праве, является *принципом нормотворчества*. Законодатель должен быть справедливым. А вот уже справедливое законодательство делает справедливым и судебное решение, выносимое на его основании, и производство по

№ 520 «О применении специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетической сферах в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций».

⁸ Цит. по: Брановицкий К. Л. Понятие и значение судебного руководства рассмотрением дела по существу в гражданском процессе Германии // Закон. 2014. № 4. С. 177.

⁹ См., например: Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб., 2004. С. 122—127.

¹⁰ Определение ВС РФ от 2 сентября 2022 г. по делу № 304-ЭС22-6536. Подробнее см.: Гальперин М. Л. Нужна ли третьей стороне объективная беспристрастность? Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21 ноября 2022 года № 304-ЭС22-6536 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 3(109). С. 4—16.

принудительному исполнению последнего¹¹. Судья не может изменить закон своим решением, не вправе отступить от текста нормативного акта, даже если это противоречит его убеждениям. Пожалуй, единственное исключение — Конституционный Суд РФ, который может облечь свои представления о должном в форму рассуждений о неконституционности закона. *Но вскоре ситуация кардинально поменяется во всей судебной системе: каждый суд станет конституционным.*

Как сотни лет назад в Англии, исходя из соображений совести родилось право справедливости, которое по известному выражению лорда-канцлера в деле «Dudley v. Dudley» (1705 г.) есть «моральная сила, которая ограничивает, смягчает и исправляет суровость, жестокость и условность общего права»¹², так и отечественные суды идут по пути исправления, как им кажется, несправедливости, несовершенства и пробельности писаного закона. В последние годы существования Высший Арбитражный Суд РФ не стеснялся творить право, сплетая из идеи справедливости не просто понятия, а новые правовые институты, даже отдаленно не закрепленные в законе. Так, напомним, у нас появилась судебная неустойка (астрент)¹³.

Более актуальный пример — практика Конституционного Суда не просто признания закона неконституционным, но «через голову» законодателя предельно подробного описания (не только абстрактными фразами, но и конкретными цифрами)¹⁴ того, как отношения должны нормативно регулироваться. Суд объясняет такие свои позиции необходимостью достижения *справедливости*¹⁵, что однажды позволи-

ло одному остроумному заявителю в конституционной жалобе объединить в общий предмет оценки святую для каждого цивилиста ст. 8 ГК РФ и ленинский Декрет «О суде», поскольку они оба, по его мнению, позволяют суду не руководствоваться законом, а основывать свою позицию на революционной совести и революционном же правосознании. Ирония заключается в том, что в попытке уклониться от погружения в этот тонкий вопрос Конституционный Суд призвал на помощь как раз формальный довод о том, что спорный советский декрет утратил силу еще в 1928 г.¹⁶

Революций больше никто не хочет, поэтому революционные совесть и правосознание будут заменены в судебных постановлениях более приятными на слух словосочетаниями «*социальная направленность регулирования*»¹⁷ и «*социальная направленность правосудия*». Однако их смысл останется прежним (каким он был в английском канцлерском суде в XV в. и в советском трибунале в начале XX в.) — дать свободу судье из благородных побуждений решить дело в противоречии с законом или в его отсутствие, причем объясняя свое решение не мучительно собранной головоломкой из отрывочных ссылок на нормативные акты, а прямым обращением к тем самым справедливости и целесообразности, как бы они ни именовались с учетом исторического момента. Соображения справедливости заставят суды «на ходу» ребалансировать права тяжущихся, проявляя патернализм в отношении той стороны процесса, которая, по их мнению, требует большей защиты (будь то потребитель в отношениях с энергоснабжающей организацией или государство в споре с налогоплательщиком).

Найти для таких подходов общие основания, в том числе в Конституции, не составит особого труда. Но для того чтобы такие основания были действительно юридическими, не только судьям, а всем нам придется освоить искусство толкования права.

3. Возрожденное судебное толкование. Если правоприменение станет менее формальным, но более интуитивным, ориентированным не на букву, а на дух права, правовую политику, можно про-

---

(к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) (одобрено решением КС РФ от 19 октября 2021 г.).

¹⁶ См. определение КС РФ от 25 января 2018 г. № 70-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барышева Евгения Анатольевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Гражданского кодекса Российской Федерации, Семейного кодекса Российской Федерации и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также Декретом СНК РСФСР “О суде”».

¹⁷ См. постановление КС РФ от 13 июля 2023 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности части восьмой статьи 178 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. Ф. Нестеренко».

---

¹¹ Подробнее см.: Гальперин М. Л. Обращение взыскания на единственное жилое помещение должника-гражданина: существует ли нормативное решение? // Закон. 2013. № 10. С. 111—124.

¹² Цит. по: Белых В. С. К вопросу об оформлении доверенности по праву Шотландии // Предпринимательское право. 2022. № 3. С. 34—41.

¹³ См. постановление Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 г. № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта».

¹⁴ См., например, постановление КС РФ от 15 июня 2023 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. В. Царегородской», где суд указал, что «в отсутствие соответствующего правового регулирования и с учетом установленного действующим законодательством в качестве общего правила ограничения размера допустимых удержаний из заработной платы работника снижение размера указанных премиальных выплат во всяком случае не должно приводить к уменьшению размера месячной заработной платы работника более чем на 20 процентов».

¹⁵ См. п. 1.3 «Справедливость и юридическое равенство» Методологических аспектов конституционного контроля

гнозировать наступление эпохи судебного толкования. Она грядет и в силу той простой предпосылки, что из-за технологических и социально-экономических факторов общественные отношения уже не могут быть урегулированы исчерпывающим образом (это же является и причиной распроецирования, о чем сказано выше). Чтобы избежать разрушительной казуистичности, ситуативности регулирования, нам, наконец, придется научиться использовать общие абстрактные нормы, выжимая из них конкретные правовые позиции все более изощренными методами толкования. И если сегодня, оперируя сельскохозяйственными терминами, для получения нужного количества подсолнечного (или оливкового — кто какое предпочитает) масла достаточно одного холодного отжима, то совсем скоро не обойтись и несколькими горячими.

Автор настоящей статьи оканчивал университет два десятилетия назад, имея в багаже от силы 3-4 правила толкования из ст. 431 ГК РФ (и это не упрек любимым преподавателям и самому себе, просто больше знать не требовалось): буквальное, системное, исходя из намерений и поведения сторон. В известном труде «Читая право»¹⁸ (который автор теперь заставляет штудировать своих студентов) судья Верховного суда США Антонин Скалиа развернуто сформулировал по крайней мере 57 канонов (canons) толкования нормативного текста, которые могут пригодиться и нам, особенно после конституционной реформы 2020 г., которая принесла специальный термин «истолкование».

Прочитываем новое второе предложение ст. 79 Конституции РФ: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их *истолковании*, противоречащем Конституции, не подлежат исполнению в Российской Федерации». Сама эта норма может толковаться по-разному.

Во-первых, можно предположить, что словосочетание «не подлежат исполнению» относится не к решениям межгосударственных органов, а к самим положениям международных договоров, хотя это противоречит буквальному смыслу нормы. Но именно такое понимание стало основой для внесенных во исполнение конституционных поправок одинаковых изменений во все процессуальные кодексы. Например, в ст. 13 АПК РФ теперь указано: «Не допускается применение правил международных договоров Российской Федерации (а не решений органов, как в тексте Конституции. — *М. Г.*) в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации. Такое противоречие может быть установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом».

Последняя фраза также заставляет задуматься, поскольку допускает как минимум три варианта толкования. Что значит «может быть установлено»? Может быть установлено и в другом порядке, не предусмотренном законом, либо должно быть установлено исключительно в порядке, определенном законом¹⁹, либо не допускается применение международного договора в любом случае, но можно при желании, «для пущей уверенности» еще формально подтвердить наличие противоречия до или после неприменения соответствующего положения? И еще один вопрос толкования: в Конституции используется слово «исполнение», а в процессуальных кодексах — «применение». Это одно и то же?

Во-вторых, что понимается под «истолкованием, противоречащим Конституции»? Что противоречит: результат толкования, т. е. новое юридическое правило, изложенное в решении межгосударственного органа, или метод толкования — прием интерпретации нормы международного договора, или и то и другое?

Обсуждая новеллы российского законодательства, мы незаметно затронули четыре каноны толкования²⁰ из сборника судьи Скалиа.

Правила восприятия текста будут не только орудием в национальных и международных юридических, политических и экономических баталиях. Они могут поменять сам образ судьи. По словам американских судей, возможность *эволютивного* толкования заставляет в США оценивать кандидатов на судебные должности не столько с точки зрения таких традиционных критериев, как беспристрастность, знание права или профессиональная репутация, сколько на основании того, «смогут ли они разглядеть в конституции право на однополые браки». Следовательно, отбор судей становится политическим процессом. Люди захотят видеть на должностях судей тех, кто поменяет или не поменяет право определенным образом²¹. Такие подходы к назначению судей мы наблюдаем в международных трибуналах²².

Кстати, как раз богатейший опыт международного правосудия, от части которого и были призваны оградить отечественную правовую систему упомянутые конституционные поправки, может все же оказаться весьма полезным и нам (причем как положительный, так и отрицательный) в плане использования абстрактных положений (типа процессуальной и ма-

¹⁹ Речь, очевидно, идет о гл. XIII¹ Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

²⁰ Supremacy-of-Text Principle, Mandatory/Permissive Canon, Last-Antecedent Canon, Surplusage Canon.

²¹ См.: *Scalia A., Garner B. A.* Op. cit. P. 84.

²² Подробнее см.: *Гальперин М. Л.* Поправки к Конституции и вопросы толкования в национальном и международном правосудии // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 12. С. 181—189.

¹⁸ См.: *Scalia A., Garner B. A.* Reading Law: The Interpretation of Legal Texts. 1st ed. 2012.

териально-правовой справедливости), отработанных технологий толкования права, облечения в юридическую форму социального, исторического и психологического, что блестяще демонстрировал юбиляр в его особых мнениях к постановлениям ЕСПЧ²³.

4. Сегментация видов судопроизводства. Дифференциация материального права (международного и национального), его расползание по десяткам отраслей и подотраслей с собственными задачами и «стейкхолдерами» неизбежно приведет к размежеванию процессуальных режимов, в которых дела, проистекающие из этих отраслей, должны рассматриваться. Несмотря на возникновение в 2014 г. единого высшего суда — Верховного, концепция общего Гражданского процессуального кодекса²⁴, кажется, уже крепко забыта, не говоря уже про попытки сближения цивилистических видов процесса с уголовным. Таким образом, про единство процесса в обозримом будущем можно забыть.

Гражданское, арбитражное, административное судопроизводство, производство по делам об административных правонарушениях будут развиваться каждое в своей логике и идеологии, что в практических терминах может привести к ослаблению межотраслевой преюдиции, противоречивым позициям по аналогичным делам. Причем у каждой судебной ветви (и каждой веточке на ней) могут сформироваться собственные представления о стандартах и бремени доказывания, понимании состязательности, диспозитивности и равноправия сторон, доступа к правосудию.

5. Дисконтирование права на иск. Неумолимый рост количества дел, рассматриваемых судами, будет толкать последних на поиск все более радикальных механизмов искусственного снижения нагрузки процессуальными методами.

Пока это происходит подспудно. Верховный Суд уже предложил²⁵ ввести обязанность подателя заявления о выдаче судебного приказа самому предварительно уведомлять об этом ответчика с приложением всех документов. В этом же законопроекте содержится предложение вовсе упразднить договорную подсудность, избавив практикующих юристов от многолетней практики включения в коммерческие кон-

тракты ссылок на столичные суды, независимо от местоположения сторон. Принятие этой нормы может дать мощный толчок развитию третейского разбирательства, поскольку соответствующие споры, скорее всего, уйдут не в региональные государственные суды, как полагают авторы идеи, а в московские третейские учреждения.

Нагрузка на государственные суды, может, и упадет, и выровняется, но они рискуют потерять роль эксклюзивного толкователя и правоприменителя в ключевых сферах коммерческого оборота. Так, полвека назад в Англии почти все крупные финансовые, строительные, морские, страховые дела навсегда ушли из королевских судов в суды третейские²⁶.

В целом, несмотря на конституционные декларации о гарантиях безусловной и безграничной юрисдикционной защиты прав, сначала судьи, а затем и законодатель будут двигаться в сторону более прагматичного взгляда на пределы права на иск как в материальном, так и процессуальном смыслах. В условиях, когда уже сейчас, по официальной статистике, в среднем из шести присужденных рублей в исполнительном производстве взыскивается всего один²⁷, приходит осознание, что экономические законы на судебной стадии развития обязательства работают точно так же, как и в досудебной, а подача иска не сильно повышает вероятность взыскания долга в полном объеме.

Вслед за техническими барьерами для обращения за юрисдикционной защитой (необходимость указания определенного набора идентификаторов ответчика, соблюдения обязательного претензионного порядка урегулирования спора, самостоятельного предварительного уведомления определенным образом должника и т. п.) придут нормы об авансировании взыскателем в исполнительном производстве процессуальных расходов, о пороге задолженности для возбуждения судебного и исполнительного производств, об автоматическом завершении безуспешного взыскания по истечении определенного периода и т. д. В условиях приближения к конституционному порогу ограничений прав должников при сохранении тяжелой ситуации с фактическим исполнением процессуальное право обратится к статусу взыскателя, перераспределив риски затруднительности или невозможности взыскания долга между ним, должником и государством²⁸.

Еще раз отметим, что все это откроет новые возможности для внесудебных, негосударственных форм защиты, прежде всего третейского разбирательства и нотариата.

²³ Выделим особое мнение судьи А. И. Ковлера к постановлению Большой палаты ЕСПЧ от 8 июля 2004 г. по делу «Илашку и другие против Молдавии и России» (Pașcu and others v. Moldova and Russia) (№ 48787/99) — без преувеличения выдающееся в масштабе всего международного права — и по форме, и по содержанию.

²⁴ См.: Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1)).

²⁵ URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/31714/.

²⁶ URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2016/03/lcj-speech-bailli-lecture-20160309.pdf>.

²⁷ URL: <http://fssprus.ru/statistics/>.

²⁸ Подробнее см.: Гальперин М. Л. Принципы исполнительного производства. Версия 2.0 // Закон. 2017. № 10. С. 90—109.

Что все эти общие тенденции значат в практическом плане?

Во-первых, интуитивное правоприменение не предполагает развернутого логического объяснения каждого принятого решения, что уже сейчас заставляет судей пытаться избавиться от нормативной обязанности мотивировать свои акты. Из-за этого исчезнет традиционная система судебных прецедентов с вычленением *ratio decidendi* и примеркой его на факты другого дела в попытке определить юридический исход последнего. Изменяются и стандарты правовой оценки позиции суда нижестоящего судом вышестоящим. Кассация превратится в еще одну апелляцию.

Во-вторых, все большее значение в тех делах, которые все же останутся в сфере судебного разрешения, будут иметь устные выступления, талант и навыки убеждения, что наполняет юридическую практику новым содержанием.

Наконец, в-третьих, в правосудии, основанном не на формальном законодательстве, построенном на простых категорических силлогизмах, а на интуитивной ситуативной справедливости, ограничено место для искусственного интеллекта. При отсутствии четких алгоритмов принятия судьей решения все сложнее будет выстраивать сколько-либо достоверный прогноз на исход судебного дела (даже поначалу кажущегося простым и типовым)²⁹. Как судье, так и представителям сторон все больше придется полагаться

²⁹ Мы еще очень далеки от реального внедрения машинночитаемого права даже в базовых материальных отраслях. См., например: Янковский Р., Вашкевич А., Иванов А., Наумов В., Незнамов А., Щекин Д. Машинночитаемое право: правовой вызов современности // Закон. 2021. № 10. С. 20 — 26.

Информация об авторе

М. Л. Гальперин, заведующий кафедрой международного правосудия НИУ ВШЭ, профессор Исследовательского центра частного права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском суде по правам человека (2017—2021 гг.), доктор юридических наук

Information about the author

M. L. Galperin, Dr. Sci. (Law), Head of the Department of International Justice, HSE University; Professor at the Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S. S. Alexeev

Поступила в редакцию 16.08.2023

Принята к публикации 17.08.2023

на человеческую интуицию и чутье, что позволяет раскрыть творческий потенциал юридической профессии.

Если уважаемый читатель сомневается в обоснованности написанного выше, пусть задастся вопросом: как часто в последние пару лет судебное решение по делу, которое он вел, становилось для него в той или иной степени неожиданным? Наверняка часто, как и у автора статьи. И это не вопрос нашего с читателем профессионализма, действия «внепроцессуальных» факторов или квалификации судьи, как бы ни хотелось в это верить проигравшей стороне. Это свидетельство идущих глобальных изменений.

В заключение вслед за юбилеем напомним: чтобы в непростую пору сохранить ясность мыслей, бодрость духа и уверенность в правильности избранного профессионального пути, нельзя терять веру в вечную, в каком-то смысле библейскую, миссию правосудия. В словосочетании «человек судебный» ключевое слово первое. Преодоление страха, недоверия, взаимного отчуждения, стремление к общению и сотрудничеству — вот то, что всегда вело человечество к свету.

Законы жанра заставляют нас завершить статью цитатой Юваля Харари: «Подлинное отличие человека от шимпанзе — этот таинственный клей, соединяющий большие группы людей, от семьи до нации»³⁰. В этом чудодейственном клее всегда будет место юридическому. В отличие от всех других прогнозов в нашей статье этот наверняка точный.

³⁰ URL: <https://www.livelib.ru/quote/42427396-sapiens-kratkaya-istoriya-chelovechestva-yuval-harari?ysclid=1lc3y2a7nl897473994>.

